ЕЩЕ РАЗ К ТРАКТОВКЕ «СЦЕНЫ ОПЛАКИВАНИЯ» НА ОССУАРИИ ИЗ ТОК-КАЛЫ

© 2022. Тухтаева Малика

Национальный центр археологии АН РУз

Ключевые слова: Ток-кала, древний Хорезм, оссуарий, роспись, зороастризм, сцена оплакивания, костюм, прическа, тюрки, археология, искусствоведение.

В данной статье в результате повторного обращения к расписному оссуарию из Ток-калы со «сценой оплакивания умершего», датированному ранним средневековьем, дается следующая новая трактовка его сюжета. Анализ причёсок и костюмов персонажей на оссуарии из Ток-калы позволяет предположить, что изображенные фигуры принадлежали тюркскому этническому пласту раннего средневековья. Изучение историографического материала показало, что оссуарий из Ток-калы был описан советскими искусствоведами фрагментарно. Здесь выявлены некоторые необоснованные выводы относительно гендерной принадлежности персонажей, где фигуры с длинными прическами и косами интерпретированы как женщины. Известно, что мужчины-тюрки времен Тюркского каганата носили одну или несколько длинных кос. Это обстоятельство, радикально опровергающее предыдущие интерпретации, позволяет по-новому трактовать гендерную принадлежность изображенных фигур. Сравнение сюжета и зороастрийского погребального обряда позволило предположить, что три фигуры, сидящие на земле возле покойника, поджав под себя ноги, представляют собой насассаларов – представителей специфического сословия зороастрийской общины, которые обычно управляли ритуалом подготовки тела усопшего к погребению. Обычным людям и близким было запрещено прикасаться к покойнику, они могли смотреть на покойника только издали, что, видимо, отражено в этой части сцены.

ЯНА БИР БОР ТЎҚ-ҚАЛЪА ОСТАДОНИДАГИ «ГИРЯ САҲНАСИ» ТАСВИРИНИНГ ТАЛҚИНИГА ДОИР

© 2022. Тухтаева Малика

ЎзР ФА Миллий археология маркази

Калит сўзлар: Тўқ қалъа, қадимги Хоразм, остодон, бўёқ, зардуштийлик, мотам саҳнаси, кийим, соч турмаги, турклар, археология, санъат тарихи.

Тўқ қалъа қазишмаларида қўлга киритилган илк ўрта асрларга оид бўялган остодондаги «марҳум ортидан йиғлаш саҳнаси»ни қайта ўрганиш натижасида, унинг тасвирига қуйидаги янги талқин берилган. Тўқ қалъа остадонидаги қаҳрамонларнинг соч турмаги ва либослари таҳлили тасвирланган сиймоларнинг илк ўрта асрлардаги туркий этник қатламига мансублигини кўрсатади. Тарихшунослик материалларини ўрганиш шуни кўрсатдики, Тўқ қалъадаги остадон Совет санъатшунослари томонидан қисман тавсиф қилинган. Бу ерда қаҳрамонларнинг жинсига оид баъзи асоссиз хулосалар кузатилади, бу ерда узун соч турмаги ва кокилларга эга тасвирлар аёллар сифатида талқин этилади. Маълумки, Турк хоқонлиги давридаги турк-эркаклар бир ёки бир нечта узун кокилга эга бўлган. Бу ҳолат тасвирланган сиймоларнинг жинсини янги талқин қилишга имкон беради ва олдинги талқинларни тубдан рад этади. Саҳнани ва зардуштийларнинг дафн маросимини таққослаш шуни кўрсатдики, марҳумнинг ёнида ерга тиззалари билан ўтирган учта одам насассалар – зардуштийлар жамоасининг ўзига хос табақаси вакиллари бўлиб, улар одатда зардуштийларнинг дафн маросимини бошқарган ва дафн қилиш учун марҳумнинг жасадини тайёрлаганлар. Оддий одамлар ва қариндошларга марҳумга тегиниш тақиқланган, улар марҳумга фақат узоқдан қарашлари мумкин бўлганини ҳисобга олсак, афтидан, саҳнанинг бу қисмида айнан шу ҳолат акс этади.

В период раннего средневековья тюрки являлись одной из наиболее ярких общностей кочевников, в значительной степени определившей особенности развития кочевой и оседло-земледельческих цивилизаций Центральной Азии. Но генезис и история распространения тюркской культуры, а также её влияния на оседло-земледельческие культуры в этом регионе до сих пор вызывают большие споры у исследователей, несмотря на сложившуюся богатую историографическую базу. Последняя представлена значительным объёмом археологических и письменных источников.

Основой для реконструкции различных аспектов истории раннесредневековых тюркских народов являются китайские письменные источники. Однако фрагментарность и некоторая неточность их сведений определяет необходимость использования и других, более объективных источников – археологических, в частности, погребальных и поминальных комплексов тюрков.

Хронологически установлено, что первый этап проникновения традиций искусства тюркских народов в регион и взаимодействие их с местным искусством, например, Согда, исследователи определяют VI–IX вв., опираясь на уже достаточно точно атрибутированные предметы искусства и ремесла, имеющие отношение к раннесредневековой степной культуре. Как пишет отечественный искусствовед А. Хакимов, «проникновение в регион тюркских племен и народов может быть датировано более ранними этапами». Он же особо отмечает, что «периодизация в искусстве и процесс этногенеза хронологически не синхронны» (Хакимов, 2019. С. 320).

В распоряжении археологов и искусствоведов для более подробного изучения и выявления тюркских элементов, а также определения некоторых деталей местных культурных традиций находится ряд археологических артефактов, который позволяет в некоторых случаях определить характерные формы и эстетические особенности эпохи. В немалой степени они отражаются в ритуалах погребального обряда и манере оформления погребального инвентаря.

В связи с этим объектом исследования настоящей статьи является один из оссуариев, обнаруженных на некрополе Ток-кала в Хорезме. Его уникальность состоит в том, что украшающая его роспись передаёт сочетание хорезмийской традиции и тюркского влияния. Оссуарий в данное время является экспонатом Государственного музея искусств им. И. В. Савицкого (рис. 1).

Археолого-исторические исследования на памятнике Ток-кала начались еще в прошлом веке. Довольно подробное описание крепости было сделано подполковником царской России А. Гребенкиным в его письме к начальнику Амударьинского отдела Н. И. Иванову, опубликованном А. В. Каульбарсом (Каульбарс, 1881. С. 451–452). Ток-калу упоминают и несколько других авторов (Толстов, 1948; Неразик, Рапопорт, 1959), а легенды, связанные с данным памятником, приводятся у Я. Г. Гулямова (Гулямов, 1957). Первые археологические исследования Ток-калы провёл С. П. Толстов в 1946 г.; тогда же он отметил многослойность памятника. Значительным вкладом в изучение данного памятника явились работы А. В. Гудковой (Гудкова, Ягодин, 1961,

Рис. 1. Оссуарий из Ток-калы. Государственный музей искусств им. И. В. Савицкого (фото автора).
1–расм. Тоқ қалъа остадони. И. В. Савицкий номидаги Давлат санъат музейи (муаллиф олган расм).
Figure 1. The ossuary from Tok-kala. State Museum of Arts named of I. V. Savitsky (Photo by the author).

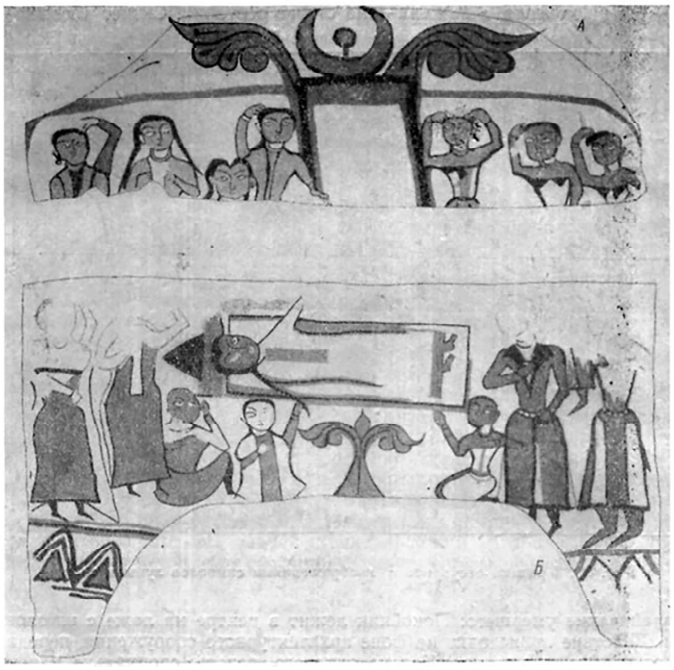

Рис. 2. Прорисовка росписи на оссуарии (А. В. Гудкова, 1964).
2–расм. Остадон чизмаси (А. В. Гудкова, 1964).
Figure 2. Drawing of the painting on the ossuary (A. V. Gudkova, 1964).

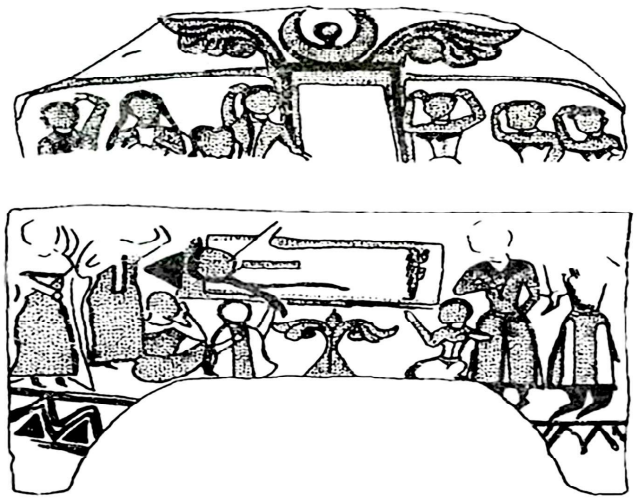

Рис. 3. Прорисовка росписи на оссуарии (Шукуров, 1977).
3–расм. Остадон чизмаси (Шукуров, 1977).
Figure 3. Drawing of the painting on the ossuary (Shukurov, 1977).

1963), ставшие итогом многолетнего археологического изучения городища Ток-кала. В посвящённой памятнику монографии А. В. Гудкова дает интерпретацию росписей и значительного количества древнехорезмийских текстов на алебастровых оссуариях VII–VIII вв. н. э. Особо следует отметить, что специальное исследование, посвящённое зарождению и развитию оссуарного погребального обряда в Южном Приаралье, принадлежит Ю. А. Рапопорту (Рапопорт, 1971).

Оссуарий из Ток-калы. Городище Ток-кала расположено на небольшом естественном холме Токтау, в 14 км к северо-западу от г. Нукуса. У подножия холма, с западной стороны, пролегает древнее речное русло. Городище состоит из нескольких частей: развалины античной крепости в верхней части холма, с востока к нему примыкает укрепленное раннесредневековое городище, на южном склоне (занятом современным мусульманским кладбищем) находятся остатки неукрепленного поселения. Общая площадь памятника немного больше 8 га. Само городище, по мнению исследователей, изначально являлось пограничным военным укреплением на периферии Хорезма. За стенами раннесредневекового поселения на северо-восточном и восточном склонах Токтау был исследован большой могильник (площадь около 4 га), состоящий из наусов, в которые ставили оссуарии. Интересующий нас оссуарий был найден при раскопках науса № 2 (раскоп IV) (Гудкова, 1964. С. 83).

Оссуарий имеет трапециевидную форму. Его прямоугольный корпус поставлен на 4 ножки, сверху он накрыт крышкой с округлыми углами. Полихромная роспись занимает сплошь лицевую сторону оссуария и крышки. Она представляет собой единую композицию, разделенную на верхнюю (крышка) и нижнюю (корпус оссуария) части. Роспись изображает сцену оплакивания умершего. Покойник (вероятно, принцесса) лежит в центре композиции на ложе с изголовьем. На ней длинный белый кафтан и высокий головной убор конусообразной формы, что и позволяет предположить, что умершая имела значимый социальный статус (рис. 2, *3*). Об аналогичных головных уборах в виде усеченного конуса как признаке высокого социального статуса у древних тюрков писала Л. Евтюхова (Евтюхова, 1952. С.

104), которая разделяет головные уборы древних тюрков на четыре типа: округлые, вероятно, меховые шапочки, головные уборы в виде усеченного конуса, шапки типа ушанок и своеобразные шапки с остроконечным верхом.

Справа и слева от смертного ложа стоят участники оплакивания; ниже ложа изображены сидящие фигуры – одна справа и две слева. Между ними, на переднем плане сцены (в нижней части оссуария), помещено предположительно стилизованное изображение жертвенника (алтаря огня). В верхней части его детали переданы расходящимися влево и вправо типичными согдийскими «растрепанными» полупальметтами (трилистниками). Возможно, с тем, что это алтарь, связана коленопреклоненная поза персонажа, находящегося справа от него и протянувшего вперед руку. Оплакивающие с руками, поднятыми к груди или голове, вероятно, наносят себе удары и рвут волосы в знак скорби. Данная церемония свидетельствует также о представлениях древних тюрков о Хаосе, где через обряд «оплакивания» плакальщиц-женщин, происходит своего рода упорядочение неопределенного структурного пространства. Умерший проходит еще одну ступень обряда, приближаясь к миру предков. Фигуры людей с поднятыми к голове руками в сценах погребения и ранее аналогично трактовались исследователями (Шукуров, 1977. С. 104).

Рис. 4. Ан Джиа играет в кости с благородным тюрком. Гробница Ан Джия, Китай (Anjia Tomb) (Яценко, 2009).
4–расм. Ан Жиа зодагон турк билан зар ўйнамоқда. Ан Жия қабри, Хитой (Яценко, 2009).
Figure 4. An Jia is playing dice with a noble Turk. Tomb of An Jia, China (Tomb of An Jia) (Yatsenko, 2009).

Аналогичные жесты демонстрируют персонажи в верхней части росписи, на крышке оссуария – четыре персонажа слева и три справа. Между ними – прямоугольный проём, технически находящийся по центру, над покойником (точнее, на заднем плане от него) – быть может, как часть некоего архитектурного сооружения, переданного крайне схематично. Проём хорошо прорисован черной и красной красками; в верхней части от дверного проёма в стороны отходят горизонтальные красные полосы, обозначающие, вероятно, верх здания. От верхних углов проёма вверх и в стороны отходят стилизованные полупальметты, напоминающие распахнутые крылья. В центре между ними проём венчает полумесяц с солнечным диском (круг на полу дугой, возможно, это звезда). Многие последователи зороастризма считали, что солнце является олицетворением Ахура Мазды, к нему восходит статус высшего существа. В иранском религиозном пространстве также существовал культ Луны. Изображение шара (круга), охваченного полумесяцем, характерно для иконографических символов Анахиты. Эмблема Анахиты украшает крышки оссуариев в памятниках Хорезма, в монументальной живописи Пенджикента, Варахши, Кочо, Кизила (Рапопорт, 1951. С. 59).

Описанный проём предположительно изображает входной портал в загробный (небесный) мир, куда отправится душа умершего. Полумесяц с солнечным диском (звездой) над дверным проемом можно трактовать как божественный символ, обещание начала нового жизненного цикла, ожидающего душу (рис. 4, 5, 6). Эти символы имеют корни в мифологии древних племен и народов Среднего Востока и Центральной Азии. В маздеизме сакральные

Рис. 5. Прием благородного тюрка в резиденции Ан Джия. Гробница Ан Джия, Китай (An Jia Tomb) (Яценко, 2009).
5–расм. Ан Жия ўз қароргоҳида зодагон туркларни қабул қилиши. Ан Жия қабри, Хитой (Яценко, 2009).
Figure 5. Reception of a noble Turk at the residence of An Ji. An Jia Tomb, China (Yatsenko, 2009).

Рис. 6. Прием благородного тюрка в резиденции Ан Джия. Гробница Ан Джия, Китай (An Jia Tomb) (Яценко, 2009).
6–расм. Ан Жия ўз қароргоҳида зодагон туркларни қабул қилиши. Ан Жия қабри, Хитой (Яценко, 2009).
Figure 5. Reception of a noble Turk at the residence of An Ji. An Jia Tomb, China (Yatsenko, 2009).

знаки луны и солнца – «круг над полудугой» – являлись проводниками, показывающими путь к спасению от сил зла. Этот знак также имел сакральное значение у тюрков манихейского вероисповедания (Рыбаков, 2011. С. 67). Согласно мифологической концепции бытия древних тюрков, смерть являлась источником новой жизни и человек (т. е. его душа), умирая, лишь переходит в качественно иное состояние (Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. 1989. С. 216).

Таким образом, иконография оссуария имеет все признаки манихейской традиции ритуала спасения души. Многие исследователи культуры тюркских народов Центральной Азии констатируют, что изображение в виде солнечного диска и полумесяца до сих пор является неотъемлемой частью национальных декоративных орнаментов и государственных символов этого региона. Этот символ возник в Средней Азии в глубоком прошлом. Его появление связывается с Ближним Востоком и датируется IV тыс. до н. э. Подобные изображения, обнаруженные при раскопках в окрестности древней столицы Китая – городе Чангане, встречаются в тюрко-согдийском захоронении Ан Джия, которое принадлежало выходцам из Бухары или Самарканда.

Снизу, на ножках оссуария, вся сцена завершена орнаментальной полосой в виде треугольников, видимо, не несущих какой-либо смысловой нагрузки, а выполняющих функцию декора, хотя подобные узоры некоторыми исследователями интерпретируются как геометрическое изображение гор. О происхождении подобных треугольных пирамид в керамике Южного Туркменистана эпохи бронзы В. Э. Сарианиди выдвигает две гипотезы. Согласно первой – это могла быть какая-то пиктограмма (древнеземледельческого) бога. Здесь важно отметить, что подобные знаки в шумерской письменности также означали «гору». По второму предположению, так могли изображаться

многоступенчатые храмы-зиккураты Древнего Востока, т. к., по сути, зиккурат – это тоже гора, только священная (Сарианиди, 1967. С. 73).

Анализ облика персонажей. Все 14 персонажей, собравшихся вокруг умершего, имеют тюркские костюмы и прически. Немаловажным элементом является размещение в композиции фигур мужчин и женщин. Они стоят двумя группами в два ряда: на крышке оссуария женщины справа, мужчины – слева, а на корпусе оссуария (нижняя часть сцены) женщины – слева, а мужчины – справа от умершего.

Ранее А. В. Гудкова и Ш. М. Шукуров (Гудкова, 1964. С. 80–96; Шукуров, 1977. С. 104) отмечали различие между мужчинами и женщинами наличием длинных волос у женщин и коротких у мужчин. Однако современные исследования выделяют 4 характерных способа ношения причесок у древних тюрков (короткие волосы, волосы, спадающие на плечи, одна длинная коса, две и более кос), причём длинные косы зачастую носили тюрки-мужчины, что опровергает мнение Ш. М. Шукурова. О прическе древних тюрков специалисты выдвигают два противоречивых мнения. Согласно точке зрения, разделяемой большинством авторов, тюрки времен каганата носили косы. Вместе с тем, некоторые исследователи (А. Д. Грач, М. И. Артамонов), ссылаясь на Бичурина и на Агафия, настаивают на том, что центральноазиатские тюрки носили длинные волосы, распущенные до плеч. Опустив подробности этой дискуссии, отметим, что ношение кос было характерно для центральноазиатских тюрков, о чём свидетельствуют и средневековые росписи Афрасиаба. Исследователи С. И. Вайнштейн и М. В. Крюков приводят весьма убедительные доводы в пользу того, что косы были одним из важных этнических признаков тюрков на огромной территории от юго-востока Европы до Центральной Азии». В частности, автор Синь тан шу замечает при описании обычаев одной из народностей Юго-Восточной Азии: «…заплетают косы, подобно тюркам» (Вайнштэйн, 1966. С. 181). Коса (одна или несколько) служила этническим маркером для тюркских мужчин – представителей знати, отличающим их от “западных и северных варваров” (Вайнштэйн, 1966. С. 181). Это подтверждают и каменные изваяния древних тюрков с косами в Семиречье. Сходство изображенных на оссуарии из Ток-калы

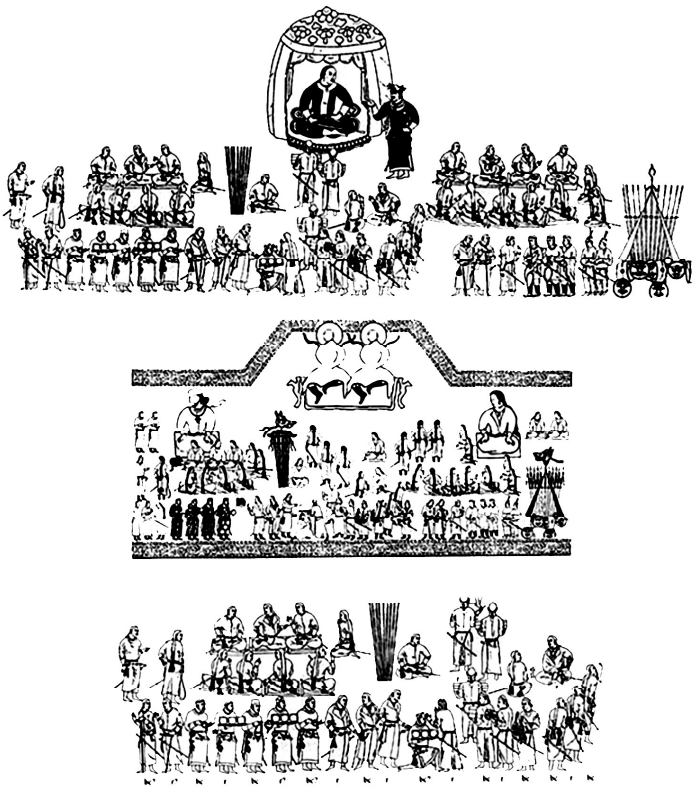

Рис. 7. Некоторые варианты реконструкции сцены с тюрками. Западная стена Зала послов” в Самарканде. Афрасиаб. Середина VII века: 1 – версия Этьена де ла Вайсьера; 2 – версия Маркуса Моде (Mode 2006); 3 – реконструкция нижнего уровня (Барбет 2006). Рисунки Франсуа Ори (Яценко 2009).

7–расм. Турклар акс этган саҳнани қайта қуришнинг баъзи вариантлари. Самарқанддаги «элчилар зали» нинг ғарбий девори. Афросиёб. VII аср: 1 – варианти Этьен де ла Вайсер томонидан бажарилган; 2-варианти Маркус Моде томонидан бажарилган (Моде 2006); 3 – пастки қисми реконструкцияси (Барбет 2006). Франсуа Ори расмлари (Яценко, 2009).

Figure 7. Some options for the reconstruction of the scene with the Turks. Western Wall of the Hall of Ambassadors in Samarkand. Afrasiab. Mid-7th century: 1 – version of Etienne de la Vaisière; 2 – Marcus Mode version (Mode 2006); 3 – reconstruction lower level (Barbet 2006). Drawings by Francois Orie (Yatsenko 2009).

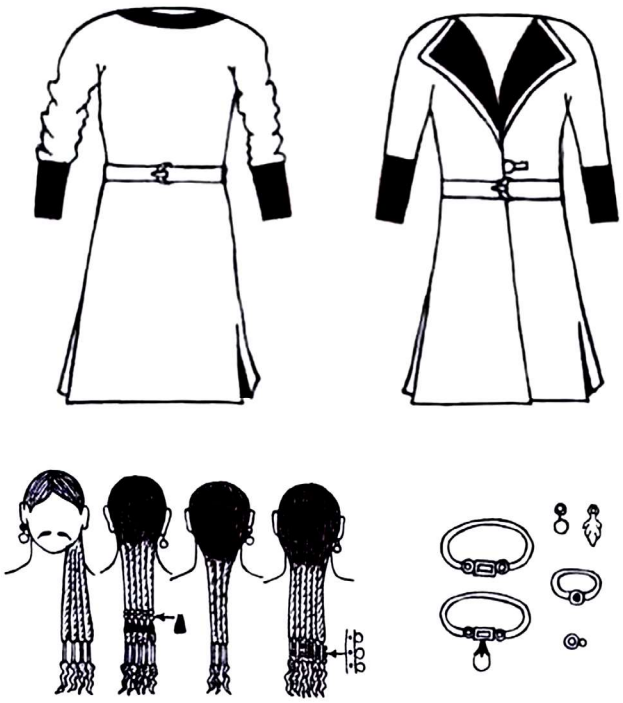

Рис. 8. Тюркский костюм на настенных росписях в “Зале послов” Афрасиаба (Самарканд), середина VII века (Яценко, 2004).
8–расм. VII аср ўрталарида Афросиёб (Самарқанд) деворий суратларида «Элчилар хонаси» Турклар либослари (Яценко томонидан 2004).
Figure 8. The Turkic costume on the wall paintings in the “Hall of Ambassadors” of Afrasiab (Samarkand), the middle of the 7th century (Yatsenko, 2004).

персонажей с древнетюркскими балбалами и воинами-тюрками из Афрасиаба несомненно (рис. 7, 8). Материалы самых ранних подробных живописных изображений представляют особую ценность для истории тюркского костюма. Долгое время костюм ранних тюрков был известен в основном по древнейшим резным каменным изображениям на курганах и погребальных святилищах (Досымбаева, 2013; Кубарев, 1997, 2005).

Возвращаясь к описанию персонажей на оссуарии из Ток-калы, отметим, что, согласно последним исследованиям искусствоведов, в частности, С. А. Яценко, ключевым моментом в определение пола персонажей является одежда (Яценко, 2011). Женщины в верхнем ряду одеты в почти прямые красные платья с широким прямоугольным вырезом или вставкой на груди. Возможно, у них на плечах длинные накидки, но они плохо различимы. У женщин в нижней части композиции обнажены плечи и верхняя часть груди, надо полагать, специально для нанесения ритуальных ударов и ранений. Верхняя часть их костюма на груди обведена неровным черным контуром: это, вероятно, клочья разорванной одежды.

Оплакиваемый, судя по одежде (кафтан белого цвета) и длинной косе – мужчина. Особое внимание обращают на себя три фигуры, сидящие на земле возле покойника, поджав под себя ноги. Предположительно это насассалары, о которых детально писали многие исследователи. Насассалары – руководители похорон в зороастризме, которые несли носилки с покойником, обмывали тело, надевали на него белый саван, складывали руки на груди. Прикасаться к покойнику могли только они. Для всех других прикосновение к усопшему влекло длительный обряд очищения; близкие могли только издали смотреть на покойника (Дорошенко, 1982. С. 57). Так, в нашем случае сидящий слева от жертвенника персонаж, будто касающийся косы умершего поднятой вверх рукой, одет в короткий кафтан без рукавов. Борты кафтана на груди не сходятся и видна нижняя рубаха с рукавами.

Мужчины тюрки в первом ряду одеты в кафтаны, распахнутые наполовину. Нижняя часть кафтана скомбинирована из ткани двух цветов. У мужчин резко подчеркнута талия, перетянутая поясом (без металлических аксессуаров), вероятно, наборным. Наборные пояса были широко распространены в тюркской кочевнической среде, от Центральной до Передней Азии и восточноевропейских степей (Распопова, 1965. С. 78–91). Наборные пояса отмечены почти на пятидесяти изваяниях Саяно-Алтая и Монголии (Евтюхова, Киселев, 1941. С. 108).

Одежда тюрка, стоящего у ног усопшего, отличает его от остальных персонажей. На кафтане широкий отворотный воротник с двумя треугольными лацканами чёрного цвета. Похожие воротники (возможно, из меха) можно увидеть на тюркских статуях с Алтая (Кубарев, 2005. Рис. 6, 13). Эта деталь стиля стала доминировать только в VII в., если судить по терра-

коте и настенным росписям Афрасиаба (в Самарканде). Они традиционны для тюркской знати и в более поздней терракоте (рис. 8).

На кафтане тюрка слева в верхней части композиции (крышка оссуария) мы отчетливо видим немного иной тип кафтана с лацканом. Такой тип одежды носили тюрки более низкого сословия, являвшиеся слугами у знати (Яценко, 2011). Оборотная сторона ткани воротника не выделяется цветом на общем фоне (художник просто обозначил контур). Похожие одежды мы видим на некоторых тюркских статуях из Монголии и Сарыг-Булуна в Туве (Евтюхова, 1952. Рис. 48, 1).

Рис. 9. Скорбящий тюрок. Деталь настенной росписи “Народы мира оплакивают Будду”. Kyzyl, Mingoi, Maya cave (Grünwedel, 1912) (Яценко, 2009).
9–расм. Мотам тутган турк. “Дунё халқлари Буддага мотам тутмоқда” деворий расмининг бир қисми. Қизил, Мингои, Мая гори (Грюнведел, 1912) (Яценко, 2009).
Figure 9. The grieving Turk. Detail of the mural “The peoples of the world mourn the Buddha.” Kyzyl, Mingoi, Maya cave (Grunwedel, 1912) (by Yatsenko, 2009).

Одежда мужчин на оссуарии окрашена в три основных цвета: красный, белый и частично черный. Это соответствует цветовой гамме тюркского мужского костюма сер. VII–VIII вв. н. э., судя по изображениям тюрков в китайской терракоте и настенных росписях Афрасиаба. Тюрки в росписях «Зала послов» во дворце Афрасиаба одеты в однотонную одежду, но не в пеструю. Последнее не означает, что они полностью лишены орнаментации, здесь они отличаются от фона не цветом, а игрой света.

Все действующие лица обуты в мягкие сапожки типа ичигов с острыми удлиненными носками. Из украшений видны браслеты и серьги. Серьги были характерным элементом тюркской культуры, их носили как женщины, так и мужчины. Серьги из бронзы, серебра или золота были очень широко распространены в древнетюркское время у кочевников Евразии, вплоть до Северного Кавказа. Позднее этот престижный аксессуар трактовался как символ власти. На тюркских каменных изваяниях (балбалах) так же изображались серьги, на одном ухе или обоих ушах (Евтюхова, Киселев, 1941. Рис. 17, 23; Евтюхова, Вайнштейн, 1958. Рис. 134, 135), а также гривны или ожерелья на шеях (Шер, 1966. С. 11) (рис. 10).

Одеяние и причёски мужчин с оссуария из Ток-калы: пряди длинных волос, соединенные вместе на концах, серьги, декоративный наборный пояс, специфический восточный кафтан-халат, обувь с удлинённым острым носиком – безусловно, являются аутентичными элементами тюркского костюма. Однако удлинённые кафтаны с лацканами – эта традиция определенно характерна для согдийцев. В VII веке тюркская одежда, очевидно, претерпела немало изменений, связанных с широкими миграциями тюрков, усложнением их социальной структуры, влиянием культур Китая, Согда и Ирана. Это, с одной стороны, влекло за собой желание элиты заимствовать престижные элементы одежды у народов высокоразвитых оседлых государств, попавших в ареал распространения тюрков. С другой – провоцировало иногда и их сопротивление иностранному влиянию. Характер культурных и политических отношений между согдийцами и тюрками в то время менялся, но увеличение взаимного влияния в повседневной культуре, включая костюм, несомненно.

Судя по всему, в росписи на оссуарии их Ток-калы художник пытался реалистически передать подробности современного ему погребального обряда. Плачущие мужчины и женщины окружили умершего, рвут на себе волосы и одежду, ритуально бьют (или царапают)

Рис. 10. Статуи-балбалы (Кубарев, 2005).
10–*расм. Балбал хайкали (Кубарёв, 2005).*
Fig. 10. Balbala statues. The drawing of the costume by G. V. Kubarev (2005).

себя в грудь и по голове. Также прослеживается стремление художника передать индивидуальные черты участников сцены. Индивидуальными элементами, несомненно, являются также украшения и одежда персонажей. Образы на оссуарии могут служить источником для суждения о внешнем облике древних хорезмийцев. В целом сцена отражает бытовой сюжет из жизни местного населения – похороны, в то же время переданный с мифологическими элементами.

Схема композиции – деление на верхнюю и нижнюю часть, вероятно, передаёт идею вертикальной модели мира, свойственную религиозно-мифологическим представлениям как хорезмийцев, так и тюрков. И в то же время отражает бинарный принцип семантических противопоставлений – верх и низ, небо и земля. Центр композиции занимает смертное ложе с умершим (внизу) и портал с «крыльями» и сакральным символом «луны и солнца». Такое композиционное построение соответствует основным параметрам мифологической модели мира в культуре тюркских и ираноязычных народов. Организованное пространство, имеющее центр (середину – мировое древо, священную гору, пуп земли), закономерно обладает и областями, удаленными от этого центра.

Интерпретация сюжета. Наличие росписи с сюжетной многофигурной композицией, делает описываемый оссуарий с Ток-калы уникальным. Но, конечно, не единственным в Хорезме: на Ток-кале были найдены и другие расписные оссуарии, в том числе со сценой оплакивания. Несколько оссуариев с росписью были найдены на Куня-Уазе (в виде узоров в красных и черных тонах) (Толстов, 1948. С. 218), на некрополе Миздахкана (Гяур-кала) с погребальной процессией (Ягодин, 1963. С. 102) и последние в городище Ток-кала. Кроме того, расписные оссуарии со сценами оплакивания известны в Пенджикенте. Следует отметить, что расписные оссуарии встречаются реже, чем оссуарии с рельефными либо прочерченными композициями. Но их находки позволяют говорить о существовании в регионе развитой живописной традиции, мастера которой работали с разными материалами.

Оссуарии с росписями с Ток-калы, несомненно, являются ценным источником сведений о религиозных представлениях и погребальной обрядовости жителей раннесредневекового Хорезма, об их физическом облике и о распространении здесь тюркского этнического и культурного компонента. Достаточно известно о взаимовлиянии тюркской и согдийской культур на территории Согда, в том числе благодаря памятникам согдийского изобразительного искусства. Оссуарий из Ток-калы может служить свидетельством аналогичных процессов на территории Хорезма. В облике как самого покойного, так и оплакивающих его мужчин и женщин, явно выражены тюркские этнические черты.

Также исследователи отмечают параллели между содержанием росписи на оссуарии и согдийскими традициями. Так, Ал-Бируни писал о жителях Согда, что они оплакивают

умерших и сопровождают это оплакивание расцарапыванием лиц (Ал-Бируни, 1957. С. 355) (рис. 9). О существовании обряда оплакивания в древнем Согде сообщается в документах с горы Муг. Аналогичный ритуал изображён на сцене «Оплакивания» в росписях Пенджикента, где принимают участие тюрки (Беленицкий, 1973. рис. 23). На некоторых оссуариях из некрополя Миздахкана (Хорезм), описанных В. Н. Ягодиным, также были изображены сцены оплакивания, участники которого наносят себе ритуальные ранения (Ал-Бируни, 1957. С. 41). Согласно П. К. Дашковскому и Д. В. Культяковой, такая траурная обрядность своими корнями уходит глубоко в скифскую эпоху. При погребении царя скифы выражали свою скорбь плачем и самоистязанием – нанесением себе ран и вырыванием волос. Такое аффективное поведение должно было означать горечь утраты и символизировать одновременно рарушение гармонии социума, наступление мрака и хаоса (Дашковский, Культякова, 2007. С. 35). Изображение самого ритуала показывает исследователю, насколько важна была роль мифологического мышления человека в ту эпоху.

Особо примечательно, что росписи, сделанные на оссуариях, ранее связывались исследователями с зороастризмом: «Уже одно то, что росписи сделаны на оссуариях, заставляет связывать их с зороастризмом» (Гудкова, 1964. С. 102). Примером служат погребальные обычаи зороастрийцев Иранского нагорья, хоронивших кости в глиняных, украшенных орнаментом, оссуариях. С другой стороны, известно, что в ортодоксальном зороастризме запрещено оплакивание умершего. Это свидетельствует о том, что в нашем регионе зороастризм не был канонизирован и имел свои специфические обрядовые черты, вероятно, включившие и элементы различных кочевых культур. В целом расписной оссуарий из Ток-калы свидетельствует о бытовании в раннесредневековой Средней Азии особой формы зороастризма, отличающейся, по крайней мере, своим похоронно-погребальным ритуалом.

Элементы росписи оссуария – сакральные символы и образы – свидетельствуют о наличии у хорезмийцев религиозных представлений о загробной жизни, в которой душа будет продолжать сохранять свою индивидуальность. Использованная символика позволяет художнику насытить содержание произведений искусства глубоким смыслом.

Выводы. В результате повторного обращения к расписному оссуарию из Ток-калы со «сценой оплакивания умершего», датированного ранним средневековьем, дается следующая новая трактовка его сюжета:

1. Анализ причёсок и костюмов персонажей на оссуарии из Ток-калы позволяет предположить, что изображенные фигуры принадлежали к тюркскому этническому пласту раннего средневековья.

2. Изучение историографического материала показало, что оссуарий из Ток-калы был описан советскими искусствоведами фрагментарно. Так появились некоторые необоснованные выводы относительно гендерной принадлежности персонажей, где фигуры с длинными причёсками и косами интерпретированы как женщины. Известно, что мужчины-тюрки времен Тюркского каганата носили одну или несколько длинных кос. Это обстоятельство позволяет по-новому трактовать гендерную принадлежность изображенных фигур, что радикально опровергает предыдущие интерпретации.

3. Сравнение сюжета и зороастрийского погребального обряда позволило предположить, что три фигуры, сидящие на земле возле покойника, поджав под себя ноги, представляют собой насассаларов – представителей специфического сословия зороастрийской общины, управлявших обычно ритуалом подготовки тела усопшего к погребению. Обычным людям и близким было запрещено прикасаться к покойнику, они могли смотреть на покойника только издали, что, видимо, и отражено в этой части сцены.

4. Выявлено, что изображение ритуала оплакивания и похоронного обряда на оссуарии – это своего рода «вторая моделирующая система», которая понятна только носителю данной культуры. Исследователь же лишь может в большей или меньшей степени достоверности

интерпретировать язык визуальных знаков и дать свою трактовку, которая по мере накопления новых эмпирических данных может быть изменена.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Ал-Бируни. Избранные произведения. Т. I. Ташкент: Фан, 1957. 516 с.

Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М.: Искусство, 1973. 68 с.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М.: Наука, 1966. С.177–187.

Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент: Фан, 1964. 171 с.

Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования в правобережной части приаральской дельты Аму-Дарьи в 1958–1959 гг. / МХЭ. Вып. 6. М., 1963. С. 3–90.

Гудкова А. В., Ягодин В. Н. Археологические исследования на городище Ток-кала в 1959 г. // Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, № 5, 1961. С. 49–59.

Гулямов Я. Г. История орошения древнего Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 313 с.

Дашковский П. К., Культякова Д. В. Влияние иранского религиозного комплекса на мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в скифскую эпоху // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул. Вып. I, 2007. С. 24–44.

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1982. 133 с.

Досымбаева А. История тюркских народов. Традиционное мировоззрение тюрков. Алматы. Service Press, 2013. 259 с.

Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии / МИА, № 24. М., 1952. С. 72–120

Евтюхова Л. А., Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. Уч. зап. ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. 217 с.

Евтюхова Л., Киселев С. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. Вып. XVI, 1941. С. 75–117.

Каульбарс А. В. Низовья Аму-Дарьи. Описания по собственным исследованиям в 1873 г. Записки Русского географического общества по общей географии. Т. IX. СПб. 1881. 630 с.

Кубарев В. Д. Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. Новосибирск, Горно-Алтайск, 1997. 184 с.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюк-кала в 1956 г. // МХЭ. Вып. 1. М.: изд-во АН СССР, 1959. 212 с.

Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971. 128 с.

Рапопорт Ю. А. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // СА. 1962, № 2. С. 50–60.

Распопова В. И. Наборный пояс Согда VII–VIII вв. // СА. 1965, № 4. С. 78–92.

Рыбаков Н. И. Солнце и луна в петроглифах Июсских степей. https://cyberleninka.ru/article/n/solntse-luna-v-petroglifah-iyusskih-stepey/viewer

Сарианиди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.: Наука, 1967. 108 с.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: изд-во АН СССР, 1948. 328 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество // Львова Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Новосибирск: Наука, 1989. 243 с.

Хакимов А. Искусство и ремесла тюркских народов Центральной Азии в контексте исторического взаимодействия оседло-земледельческих и номадических культур // Центральная Азия в эпоху средневековья и нового времени: общество, культура, источники. Ташкент: Академнашр, 2019. С. 320–330.

Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М-Л., 1966. 140 с.

Шукуров Ш. М. К анализу принципов иконографии в изобразительном искусстве Средней Азии / Сб. статей. Средняя Азия в древности и средневековье. М.: Наука, 1977. С.103–117.

Ягодин В. Н. Новые материалы по истории религии Хорезма // СЭ, 1963. № 4. С. 94–107.

Яценко С. А. Древние тюрки: мужской костюм в китайском искусстве 2-й пол. VI – 1-й пол. VIII вв. («образы «Иных») https://swordmaster.org/uploads/2011/oldturks/ancient_turks_costume_in_a_color_images.pdf

REFERENCES

Al-Beruni. 1957. *Izbrannye proizvedeniâ (Selected works)*. Vol. I. Tashkent: «FAN» Publ., 516 (in Russian).

Belenickij A. M. 1973. *Monumental'noe iskusstvo Pendžikenta (Monumental art of Penjikent)*. Moscow: Iskusstvo Publ., 68 (in Russian).

Vajnštejn S. I., Krûkov M. V. 1966. *Ob oblike drevnih tûrkov (about the appearance of the ancient Turks)* // Tûrkologičeskij sbornik (turkological collection). Moscow: Nauka Publ., 177–187 (in Russian).

Gudkova A. V., Âgodin V. N. 1963. *Arheologičeskie issledovaniâ v pravoberežnoj časti priaral'skoj del'ty Amu-Dar'i v 1958-1959 gg. (Archaeological research in the right-bank part of the Aral delta of the Amu Darya in 1958-1959)* // MHE (Materials of the Khorezm expedition). Issue 6. Moscow, 3–90 (in Russian).

Gudkova A. V., Âgodin V. N.1961. *Arheologičeskie issledovaniâ na gorodiše Tok-kala v 1959 g. (Archaeological research at the Tok-kala settlement in 1959)* // Obŝestvennye nauki v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan). Tashkent, № 5, 49–59 (in Russian).

Gudkova A. V. 1964. *Tok-kala (Tok-kala)*. Tashkent: FAN Publ., 171 (in Russian).

Gulâmov Â. G. 1957. *Istoriâ orošeniâ drevnego Horezma s drevnejših vremen do naših dnej (The history of irrigation of ancient Khorezm from ancient times to the present day)*. Tashkent: Izd-vo AN UzSSR, Publ., 313 (in Russian).

Daškovskij P. K., Kul'tâkova D. V. 2007. *Vliânie iranskogo religioznogo kompleksa na mirovozzrenie naseleniâ Ûžnoj Sibiri i Central'noj Azii v skifskuû èpohu (The influence of the Iranian religious complex on the worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in the Scythian era)* // Mirovozzrenie naseleniâ Ûžnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoričeskoj retrospektive (Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect). Issue I. Barnaul, 24–44 (in Russian).

Dorošenko E. A. 1982. *Zoroastrijcy v Irane (Istoriko-ètnografičeskij očerk) (Zoroastrianism in Iran. (Historical and ethnographic essay)*. Moscow: Nauka, Publ., 133 (in Russian).

Dosymbaeva A. 2013. *Istoriâ tûrkskih narodov. Tradicionnoe mirovozzrenie tûrkov (The history of the Turkic peoples. The traditional worldview of the Turks)*. Almaty: Service Press, Publ., 259 (in Russian).

Evtûhova L. A. 1952. *Kamennye izvaâniâ Ûžnoj Sibiri i Mongolii (Stone sculptures of Southern Siberia and Mongolia)* / MIA (Materials and research on the archeology of the USSR), №24, Moscow: Nauka, Publ., 72–120 (in Russian).

Evtûhova L. A., Vajnštejn S. I. 1958. *Nekotorye itogi rabot arheologičeskoj èkspedicii Tuvinskogo NIIÂLI v 1956–1957 gg. (Some results of the archaeological examination of the Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History in 1956–1957).* Uč. zap. TNIIÂLI. Issue VI. Kyzyl, 217 (in Russian).

Evtûhova L., Kiselev S. 1941. *Otčet o rabotah Saâno-Altajskoj arheologičeskoj èkspedicii v 1935 g. (Report on the work of the Sayano-Altai archaeological expedition in 1935)* // Trudy Gosudarstvennogo istoričeskogo muzeâ. Issue XVI, 75–117 (in Russian).

Kaul'bars A. V. 1881. *Nizov'â Amu-Dar'i. Opisaniâ po sobstvennym issledovaniâm v 1873 g. Zapiski Russkogo geografičeskogo obŝestva po obšej geografii (The lower reaches of the Amu Darya. Descriptions based on his own research in 1873. Notes of the Russian Geographical Society on General Geography)*. Vol. IX, SPb., 630 (In Russian).

Kubarev V. D. 1997. *Kamennye izvaâniâ Altaâ. Kratkij katalog (Stone sculptures of Altai. A short catalog)*. Novosibirsk. «Gorno-Altajsk» Publ, 184 (In Russian).

Kubarev G. V. 2005. *Kul'tura drevnih tûrkov Altaâ (po materialam pogrebal'nyh pamâtnikov) (Culture of the ancient Turks of Altai (based on the materials of funerary monuments).* Novosibirsk, 400 (in Russian).

Nerazik E. E., Rapoport Û. A. 1959. *Kuûk-kala v 1956 g. (Kuyuk-kala in 1956).* MHÈ, (Material of Khorezm expedition). Issue 1. Moscow: Izd-vo AN SSSR, Publ., 212 (in Russian).

Rapoport Û. A. 1971. *Iz istorii religii drevnego Horezma (From the history of religion of ancient Khorezm)*. Moscow: Nauka, Publ., 128 (in Russian).

Rapoport Û. A. 1962. *Ob izobraženii na Bartymskom blûde, najdennom v 1951 g. (About the image on the Bartym plate found in 1951)* // SA (Soviet archeaology), № 2. 50–60 (in Russian).

Raspopova V. I. 1965. *Nabornyj poâs Sogda VII–VIII vv. (The set belt of Sogda VII–VIII centuries)* // SA (Soviet archeaology), № 4. 78–92 (in Russian).

Rybakov N. I. 2014. *«Solnce i luna v petroglifah Iûsskih stepej» (The sun and moon in petroglyphs of the July steppes)*. Available by URL: https://cyberleninka.ru/article/n/solntse-luna-v-petroglifah-iyusskih-stepey/viewer.

Sarianidi V. I. 1967. *Tajny isčeznuvšego iskusstva Karakumov (Secrets of the vanished Karakum Art)*. Moscow: Nauka, Publ., 108 (in Russian).

Tolstov S. P. *Po sledam drevnehorezmijskoj civilizacii (In the traces of the ancient Khorezmian civilization)*. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1948. 328 (in Russian).

Tradicionnoe mirovozzrenie tûrkov Ûžnoj Sibiri. Čelovek. Obŝestvo. 1989. (The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Human. Society 1989)./ L’vova L., Oktyabr’skaya I. V., Sagalaev A. M., Usmanova M. S. Novosibirsk: Nauka, Publ., 243 (in Russian).

Hakimov A. 2019. In D. Alimova (ed.). *Iskusstvo i remesla tûrkskih narodov Central’noj Azii v kontekste istoričeskogo vzaimodejstviâ osedlo-zemledel’českih i nomadičeskih kul’tur (The Arts and Crafts of the Turkic Peoples of Central Asia in the context of the historical interaction of Settled agricultural and Nomadic cultures)* // Central’naâ Aziâ v èpohu srednevekov’â i novogo vremeni: obŝestvo, kul’tura, istočniki.Tashkent: Akademnashr, Publ., 320–330 (in Russian).

Šer Â. A. 1966. *Kamennye izvaâniâ Semireč’â (Stone statues of Semirechye)*. Moscow-Leningrad: Nauka, Publ., 140 (in Russian).

Šukurov Š. M. 1977. *K analizu principov ikonografii v izobrazitel’nom iskusstve Srednej Azii (On the Analysis of the principles of Iconography in the Visual Arts of Central Asia)* / Sb. statej. Srednââ Aziâ v drevnosti i srednevekov’e. Moscow: Nauka, Publ.,102-117 (in Russian).

Âgodin V. N. 1963. *Novye materialy po istorii religii Horezma (New materials on the history of the religion of Khorezm)* // SÈ (Soviet ethnography), № 4. 94–107 (in Russian).

Âcenko S. A. 2011. *Drevnie tûrki: mužskoj kostûm v kitajskom iskusstve 2-j pol. VI – 1-j pol. VIII vv. («obrazy «Inyh») (Ancient Turks: men’s costume in Chinese art of the 2nd half of the VI – 1st half of the VIII centuries. («images of «Others»)* // Available by URL: https://swordmaster.org/uploads/2011/oldturks/ancient_turks_costume_in_a_color_images.pdf .

ONCE AGAIN TO THE INTERPRETATION OF THE MOURNING SCENE ON THE OSSUARY FROM TOK-KALA

© 2022. Tukhtaeva Malika

National Center of Archaeology Uzbekistan Academy of Sciences

Keywords: Tok-kala, ancient Khorezm, ossuary, painting, Zoroastrianism, mourning scene, costume, hairstyle, Turks, archeology, art history.

In this article, as a result of referring to the painted ossuary from Tok-kala with a scene of mourning for the dead, dating back to the early Middle Ages, the following new interpretation of its plot is offered. The analysis of the hairstyles and costumes of the characters on the Tok-kala ossuary suggests that the depicted figures belonged to the Turkic ethnic stratum of the early Middle Ages. The study of historiographical material has shown that the Tok-Kala ossuary has been described by Soviet art historians in a fragmentary manner. Some unsubstantiated conclusions are revealed here regarding the gender identity of the characters, where figures with long hairstyles and braids are interpreted as women. It is known that Turkic men of the Turkic Kaganate times wore one or more long braids. This circumstance, which radically contradicts the previous interpretations, allows a new interpretation of the gender identity of the depicted figures. A comparison of the plot and a Zoroastrian burial rite allows assuming that the three figures sitting on the ground next to the deceased, with their legs tucked under them, are the nasassalars, representatives of a specific class of the Zoroastrian community, who usually managed the ritual of preparing the body of the deceased for burial. Ordinary people and relatives were forbidden to touch the deceased; they could only look at the deceased from a distance, which is apparently reflected in this part of the scene.